

Лю Сюаньань слегка замешкался. Изначально он планировал описать сестру как полную противоположность вкусам князя Сяо, но не ожидал, что требования того окажутся столь прямолинейными и поверхностными, лишёнными всякой глубины — одна лишь красота, что не оставляло места для манёвра.

Он на мгновение задумался, затем продолжил, выдвигая гипотезу:

— А если красавица, но с отвратительным характером? Малейшая неприятность — и слёзы, истерики, вдребезги бьёт чашки и миски, всю семью доводит до белого каления, а то и вовсе наложит на себя руки. И это тоже сойдёт?

— Разумеется, — ответил Лян Шу с невиданным прежде великодушием. — Заплачет — утешу. Посуду побьёт — новую куплю. А если красавица непременно захочет умереть, что ж, и я последую за ней. Как говорится, «смерть под пионом — и в мире духов легенда».

«...»

Лю Сюаньань взглянул на Лян Шу, пытаясь разглядеть в его лице хоть тень шутки, но тщетно. Князь, не любивший притворяться перед своими лазутчиками, перед вторым сыном Лю, напротив, с готовностью входил в роль. Сцена ещё не был готов, а он уже разошёлся не на шутку.

В отдалении Гао Линь тяжело вздыхал.

Хотя Лю Сюаньань и смотрел на жизнь и смерть с высоты Небесного Дао, его «бесстрашие» кардинально отличалось от «легенды в мире духов» Лян Шу. Впрочем, князь Сяо менее всего походил на «великого любовника», и Лю Сюаньань поначалу был несколько ошеломлён. Но затем он рассудил: раз есть те, кто жертвует собой ради выгоды, славы или ради Поднебесной, то почему бы не найтись тому, кто принесёт себя в жертву красоте? А если такой найдётся, то почему бы им не оказаться Лян Шу?

Подумав так, Лю Сюаньань слегка кивнул, с лёгкостью приняв тот пугающий факт, что первый полководец Великой Янь в любой момент может отправиться на смерть ради любви. Однако, коль князь оказался столь падок на внешность, прежний план не срывается — сестра и вправду красива. Придётся искать иной подход, чтобы их разлучить.

Вся эта внутренняя буря не отразилась на его лице ни единой морщинкой. Лян Шу, повидавший на своём веку немало людей, в том числе и тех, кто сохранял невозмутимость перед лицом катастрофы, понимал, что спокойствие Лю Сюаньаня нельзя отнести к той же категории. Оно было иным. Или, если точнее, сам Лю Сюаньань словно пребывал в ином пространстве.

Незаметная, но несокрушимая преграда наглухо отгораживала его от остального мира.

Лян Шу первым это обнаружил.

И новым увлечением князя стало желание эту преграду разрушить.

А зачем разрушать и что делать потом — его не волновало. Настоящее «искусство создавать проблемы из ничего».

Гао Линь, беспокоясь за происходящее, вскоре подошёл прервать беседу:

— Похоже, те конвоиры из бюро «Ваньли» не были в сговоре с бандитами с Горы Укрощённого Тигра.

Лян Шу бросил на него взгляд:

— Ты полдня их допрашивал, чтобы прийти к такому выводу?

Гао Линь:

— ...

Гао Линь:

— Нет, есть и другое.

Лян Шу направился к дереву поодаль:

— Докладывай.

Гао Линь кивнул, но не удержался и оглянулся. Лю Сюаньань уже снова укутался в одеяло, обхватив колени и глядя на чёрную бездну неба. Хотя в его глазах и отражались языки пламени, он всё равно казался безмолвным и недвижимым, как бездонный холодный пруд.

Гао Линь тоже уловил врождённую отстранённость Лю Сюаньяня, но не узрел преграды. Вместо этого он нашёл куда более простое объяснение — это естественно, ведь мой князь и впрямь невыносим.

Согласно показаниям конвоиров, они рассчитывали, что Чан Сяохань, надышавшись дымом лианы красного гуся, потеряет внутреннюю силу. Да ещё и Хэ Жао подослала на Гору Укрощённого Тигра убийц. Двойной удар — и как ему устоять?

Но он устоял.

В тот день, едва достигнув Горы Укрощённого Тигра, конвоиры под предлогом набрать воды оставили Чан Сяоханя и Чан Сяоцю одних. Побродив для вида у ручья, они тайком вернулись обратной тропой, ожидая увидеть два трупа. Вместо этого они стали свидетелями, как Чан Сяохань, весь в крови, стаскивал с крутого склона Чан Сяоцю и одним взмахом меча отсек головы последним трем бандитам.

Головы, взмывшие в кровавом тумане, повергли конвоиров в ужас, и лишь тогда они поняли, что ядовитый дым на Чан Сяоханя не подействовал. К счастью, тот, похоже, не заподозрил предательства в своих рядах и даже позвал их побыстрее собираться в путь. Конвоиры решили скрыть правду, рассчитывая найти новый удобный случай позже.

Они продолжали подмешивать яд в лекарство для ран Чан Сяоцю, рассчитав дозу так, чтобы тот скончался накануне прибытия в Поместье Белого Журавля. Что до Чан Сяоханя, то в пути они чаще ночевали в лесу, и возможности продолжить отравление не было, а в открытом бою победа была не гарантирована. Потому они решили пока не действовать — пока Лю Сюаньань не раскрыл яд в лекарстве. Увидев, что их замысел вот-вот раскроется, они, спасая свою шкуру, были вынуждены пойти на риск.

— Так что о ситуации на Горе Укрощённого Тигра они ничего не знают, — Лян Шу взял у охранника влажную салфетку и, опустив взгляд, медленно вытер ладони. — Раз бесполезны —

разберитесь с ними. А что до госпожи Хэ из бюро «Ваньли»... раз у неё нашлась Сияющая жемчужина, не исключено, что есть и другие ценности. Присмотрите за ней получше, не дайте улизнуть.

Гао Линь кивнул, затем осторожно спросил:

— Жемчужины те и впрямь редкие. Как вы думаете, ваше высочество, могут они быть связаны с нераскрытыми делами прошлой династии?

— Потому и велю присмотреть, — Лян Шу размял затекшую шею. — Отдыхайте. Завтра рано вставать.

Гао Линь махнул рукой, и пятеро охранников поволокли в глубь леса корчившихся и вопивших конвоиров. Блеснули лезвия — и в мгновение ока всё стихло.

Единственного оставленного в живых «счастливчика» от увиденного хватил удар, и он без чувств рухнул под дерево. Но в обмороке он или нет, двоим охранникам было безразлично — они скрутили его, перекинули через седло и помчались прочь, в сторону бюро «Ваньли».

А-Нин поёжился, кутаясь в одеяло. Хотя в Поместье Белого Журавля он привык к смерти, кончина от болезни и смерть от меча — вещи всё же разные. А рядом сидевший Лю Сюаньань, как всегда, не проявлял никаких чувств. То ли он был равнодушен к подобным делам жизни и смерти, то ли вновь витал где-то в своих мыслях.

Так и прошла ночь. На следующее утро, когда небо ещё только светлело, охранники зашевелились, собираясь в путь. Лю Сюаньань зевнул, поднялся, потянулся — глаза всё ещё были закрыты, лишь приоткрывшись на полщелочки, чтобы определить, где стоит повозка, — и затем, пошатываясь, поплёлся в её сторону.

Спать в лесу у яркого костра — удовольствие ниже среднего, поэтому сейчас его одолевала страшная дремота. Дремля на ходу, он вскарабкался в повозку, откинул занавеску и повалился в свой привычный угол, но вместо мягкой подушки уткнулся во что-то твёрдое — в колени Его Высочества князя Сяо.

— И-их! — Лю Сюаньань в испуге вскочил, но, не сообразя, где находится, грохнулся головой о потолок повозки. В ушах зазвенело, а в глазах потемнело.

А-Нин, стоя снаружи, беззвучно вздохнул. Он никак не мог понять, зачем князю постоянно лезть в их повозку. Если уж так любит ездить в экипаже, почему бы Гао Линю не подготовить отдельный? Повозка его господина невелика, а князь ведь высокий — неужели ему не тесно?

Рассудив, что им ещё долго ехать вместе, А-Нин наконец не выдержал и отыскал Гао Линя, деликатно предложив в следующем крупном городе либо купить князю просторную повозку, либо подобрать его господину спокойную лошадку.

Гао Линь отлично понимал его чувства, но, как ни понимай, приходилось отнекиваться и надеяться, что его господин поскорее найдёт себе новое развлечение и перестанет без нужды приставать ко второму сыну Лю. Чем это лучше уличного хулигана, который только и знает, что пинать калитки молодых вдов?

Лю Сюаньань, усевшись на противоположной стороне повозки и потирая ушибленную макушку, всё ещё не мог взять в толк, отчего князь здесь оказался. Присмотревшись, он увидел, что все его привычные мягкие подушки и валики были реквизированы, а серебряный

парчовый ароматический мешочек теперь болтался на пальце Лян Шу, покачиваясь в такт колёсам.

«...»

<http://bllate.org/book/16268/1464061>